

П. А. Вяземский, А. И. Тургенев

Остафьевский архив князей Вяземских

Часть 4. 1837-1845

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В99

Вяземский П.А.
В99 Остафьевский архив князей Вяземских: Часть 4. 1837-1845 / П. А. Вяземский, А. И. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 344 с.

ISBN 978-5-518-43242-0

Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым, 1812-1845. Часть IV: 1837-1845. Издание графа С.Д. Шереметева. Под редакцией и с примечаниями В.И. Слитова.
Остафьевский архив князей Вяземских продолжение издания "Архив князя Вяземского".
Репринтное издание 1899 года. Типография М.М. Стасюлевича.

ISBN 978-5-518-43242-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Первый вечеръ провелъ я дома. Вчера явился къ князю Дмитрію Володиміровичу, гдѣ видѣлъ только роутъ полицеймейстеровъ. Заѣхалъ къ Свербеевой; она мила по прежнему и о васъ (Вяземскихъ, Карамзиныхъ, Валуевыхъ и прочихъ) разспрашивала много; повыспросилъ ее о многихъ и о многомъ; старое по старому: благородныя собранія, концерты и только; проекты свадебъ. Графиня Ростопчина написала посланіе къ будущей Жихаревой. Павловъ увязъ въ свою сѣверную Коринну на Воронцовскомъ полѣ, въ домѣ тестя; пріатели рѣдко встрѣчаютъ его; не знаю, выдается ли съ музами, кромѣ своей законной. Ввечеру явились ко мнѣ: Булгаковъ съ моими пакетами и съ „Дебатами“, Норовъ—съ вѣстями о салонѣ Пашковыхъ. Сбирался къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской съ колпачкомъ княжны Маріи, который довезъ въ цѣлости, но полѣнился и отложилъ визитъ до сегодня. Теперь скачу по дѣламъ и по дѣловымъ людямъ, а между тѣмъ заготовилъ письма и посланки къ слѣдующимъ особамъ обо-его пола: 1) къ графинѣ Велгурской; 2) къ эксъ-суперъ-интенденту Феслеру; 3) къ сопернику моему Веневитинову; 4) къ Татаринovu; 5) къ Аделунгу; 6) къ Черняеву; 7) къ Арсеньеву; 8) къ Жуковскому; 9) къ Прянишникову, къ коему и рѣшился послать ихъ, а не черезъ тебя. Сбирался писать подробно въ салону Карамзинныхъ, Мещерскихъ и отложилъ до сегодня, но ранній выѣздъ помѣшалъ. Не могу однако жъ не донести вамъ, что въ Помераньѣ нагнала насъ княгиня Трубецкая-Четвертинская съ своимъ супругомъ, который успѣлъ два раза взбѣсить меня: первое тѣмъ, что увелъ немедленно жену въ другую комнату; второе, безпритворнымъ провозглашеніемъ въ лицо моему либеральству: „Je gosse les izvoznikъ de la manière la plus affreuse!“ Если бы жена за стѣной не стояла, я бы отвѣчалъ этому кандидату виселевскаго управленія по своему. Съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались. Въ Новгородѣ осмотрѣлъ въ главѣ соборной старинныя утвари, ризы, рукописи новгородскія и вмѣстѣ съ сею народною и церковною святынею и съ посохами и бѣлыми влобуками митрополитовъ и поддѣльную дубинку Петра I, коей онъ преобразовывалъ любимыхъ бояръ своихъ и имперію. Не она ли же приготовила намъ и вышерѣченнаго князя Трубецкого? Нѣтъ худа безъ

добра. Каналы, кормильцы Россіи, примирили меня съ дубинкою, но не съ княземъ Трубецкимъ... ¹⁾ Въ Торжкѣ заняли меня французскія котле... ²⁾.

797.

Тургеневъ князю Вяземскому.

12-го апрѣля 1837 г. [Москва].

Въ письмѣ изъ Парижа, наскоро и въ смущеніи духа писанномъ, вотъ что выписано изъ письма ко мнѣ madame Ancelot, тамъ оставленномъ: „M-me Ancelot также прислала къ вамъ письмо, которое я рѣшился распечатать и сообщаю вамъ содержаніе: благодарить за чай, говорить о смерти Жерара, которая была ускорена несправедливостію публики къ его таланту и его чувствительностію. Далѣе: „Je vois toujours Koreff et sa petite femme qui est en train de lui donner un héritier... ³⁾ ce dont il a l'air tout embarrassé et tout singulier“. Посылаетъ экземпляръ *Marie* avec une préface, qu'on ne trouve que dans 20 exemplaires destinés pour des amis. Благодарить за affiches russes et françaises, que m-r d'Archiac lui a apporté de votre part... pourvu que la pièce fasse plaisir, qu'on en soit content! Oh, j'y pense beaucoup! Au reste je suis ou je serais joué dans toutes les grandes villes de l'Europe, mais je tiens plus à l'opinion de cette élégante société russe qu'à toute autre. Vous pensez que je sympathise bien à vos régrêts pour la mort de m-r Pouschkine, dont j'ai connu et admiré plusieurs ouvrages. La mort, l'absence—tout cela est triste et pourtant compose la vie. P. S. Si la traduction russe de *Marie* était imprimée, je serais bien heureuse d'en avoir un exemplaire“. Далѣе нейдутъ выписки.

Будешь ли ты сюда? Скажешь ли *rien que la vérité* о томъ, о чемъ я почти никому не сказывалъ, хотя здѣсь многіе о главномъ уже знали, но не о содержаніи твоей старинной эпитаграммы.

Я былъ на сговорѣ Рябинина съ княжной Черкасской,

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Продолженіе письма утеряно.

³⁾ Точки въ подлинникѣ.

рыженькой, а съ матерью черноволосенькой гуляю ежедневно и *отношусь* къ ней на бульварѣ.

Что же ты ни слова о первомъ номерѣ „Современника“? Что изъ моихъ коммеражей будетъ напечатано?

Закрасноворотскій философъ очень оправился, хотя еще нигде не является, но духомъ опять воспрянулъ. Ему сказали о твоихъ словахъ о немъ въ письмѣ къ Давыдову, и кажется это вольнуло его истинною замѣчаніемъ, а я еще не читалъ твоего письма.

Жилось бы и здѣсь мѣсяца два, но парижское горе съ ума нейдетъ. Тяжело! Поспѣшу туда, а ты поспѣши сюда, если въ самомъ дѣлѣ собираешься. Хотѣлось бы на второй послѣ Фоминной недѣлѣ выѣхать. Въ Архивѣ ежедневно, но выборка не богата, хотя любопытно видѣть о чемъ думали, о чемъ хлопотали и какъ писали и дѣйствовали во время Вольтера и Дидеро. О послѣднемъ кое-что узналъ, такъ, какъ и о Рюльерѣ, и списалъ; жаль, что не для твоей котомки. Я иду, то-есть, читаю, ракомъ и восхожу отъ новѣйшаго къ старому, но старый песъ на сѣнѣ, Малиновскій, все еще не все выдалъ мнѣ, хотя и образумился нѣсколько. Сегодня примусь трепать папу и оставлю m-me Dubarry, Сергѣя Салтыкова, графа Чернышева, князя Дмитрія Голицына и Хотинскаго, и Шуазеля и прочихъ, и прочихъ.

798.

Тургеневъ князю Вяземскому.

16-го апрѣля 1837 г. Москва.

Ты не послалъ ко мнѣ письма Плюшара, отъ Федорова полученнаго, а я чуть-чуть не испортилъ здѣсь дѣла, заключивъ почти другое условіе съ здѣшнимъ книгопродавцемъ. Письма твоего къ Булгакову такъ же не читалъ еще. Я здѣсь все привелъ въ порядокъ и только ожидалъ Плюшара, чтобы копіи съ примѣчаніями послать въ Петербургъ при письмѣ къ Мордвинову. Пожалуйста, не задерживай писемъ и пришли скорѣй Плюшара. У меня тысяча дѣлъ въ головѣ, и объ одномъ думать часто нѣтъ времени. И съ Малиновскимъ все еще надобно возиться, хотя онъ

и получилъ разрѣшеніе. Отошли письмецо къ Федорову немедленно.

Я спѣшу кончить здѣсь дѣла и скорѣе ѣхать въ Парижъ, ибо положеніе Клары и брата очень беспокоитъ меня. Дѣло по передачѣ имѣнія я уже почти кончилъ и уже теперь почти я не Тургеневъ! Тяжело и грустно! Такого чувства я еще не имѣлъ. Уступилъ бы и другую половину дохода, одной лишившись, если бы можно было оставаться владѣльцемъ Тургенева и имѣть надежду увидѣть еще разъ родимое пепелище, но оно теперь въ письмѣ къ Стиглицу. Прости! Пожалуйста, не задерживай дѣла печатанія писемъ: на немъ основано другое, не для меня одного интересное. Потомъ издамъ Шлѣцера, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, тебя, и мало по малу всѣ покойники оживутъ въ письмахъ ко мнѣ.

Посылаю тебѣ письмо Дидеро къ женѣ о Петербургѣ и Екатеринѣ. Если напечатаешь его въ своей „Старинѣ“, то выпиши, въ видѣ предисловія, то, что я говорю объ этомъ письмѣ и объ обществѣ библіофиловъ въ Парижѣ. Это письмо мое въ числѣ оставленныхъ у васъ. Издаешь ли свой альманахъ? Гдѣ будетъ письмо изъ Веймара? Мистификація 1727 года осталась у меня. Я готовъ прислать ее тебѣ, если ты помѣстишь ее въ альманахъ. Иначе, не хочется отдирать листы отъ собранія дипломатическаго или переписывать двѣ или три страницы, кои написаны съ другими дѣлами дипломатическими.

Я все улаживаю и спѣшу привести въ порядокъ то, что здѣсь остается и что беру съ собою.

799.

Тургеневъ князю Вяземскому.

19-го апрѣля 1837 г. Москва.

Христось воскресе! Наконецъ получилъ я и еще письмо отъ брата. Клара была въ опасности отъ потери крови. Были признаки d'une fausse couche. Теперь, благодаря Бога, лучше, хотя она еще очень слаба, но сама писала ко мнѣ.

Изъ прилагаемой у сего записки ты увидишь, въ какомъ состояніи теперь дѣло о памятникѣ Карамзину. Сообщаю тебѣ слѣдующія также вѣрныя свѣдѣнія, но прошу тебя не называть меня, ибо тогда тотчасъ бы угадали, кѣмъ они доставлены, то-есть, Аржевитиновымъ, а онъ членъ комитета о семъ памятникѣ и честнѣйшій человѣкъ, и слѣдовательно на вѣрность сихъ свѣдѣній положиться можно. Другіе члены комитета о сооруженіи памятника: Языковъ, умный братъ поэта и Григорій Васильевичъ Бестужевъ, предводитель дворянства, благородный и добрый человѣкъ (не бывшій удѣльный директоръ). Комитетъ сей объяснялъ прежде бывшему губернатору Жиркевичу, и онъ съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ; но жаль, что не отдалъ подъ судъ канцеляріи, утаившей большую сумму при губернаторѣ Загряжскомъ (7000 р.), который, вѣроятно, съ секретаремъ дѣлился его женою и деньгами на памятникъ. Жиркевичъ взыскалъ сіи деньги сполна съ канцеляріи и потомъ поступилъ, какъ въ запискѣ значитъ. Но тотъ же секретарь остался, а между тѣмъ поступали и поступаютъ суммы въ канцелярію губернатора, и зло, можетъ быть, продолжается. Слухъ носится, что теперешній губернаторъ, хотя человѣкъ и порядочный, также въ связи съ женою того же секретаря своего; оттого опять не даютъ надлежащаго хода этому дѣлу и защищаютъ секретаря, съ коего бывшій послѣ Загряжскаго губернаторъ взыскалъ уже 7000 р. Комитетъ начинаетъ отчаяваться въ полученіи исправно денегъ; развѣ ожидать, что Контроль выведетъ все наружу, но между тѣмъ не будетъ памятника. Вотъ еще утрата по комитету, и также только для объясненія тамъ, гдѣ это можетъ быть безъ вреда членамъ комитета: недавно было у нихъ засѣданіе въ комитетѣ. Одинъ изъ нихъ обратился къ г. Пересѣвину, пріѣхавшему изъ Петербурга, и предложилъ пожертвованіе. Пересѣвинъ отвѣчалъ, что готовъ дать и еще, но что онъ уже вручилъ Загряжскому въ Петербургѣ, при встрѣчѣ съ нимъ и по его предложенію, 50 рублей ассигнаціями и подписался на какомъ-то листѣ. Справились съ дѣлами комитета и не нашли ни имени его, ни того листа и никакой суммы, особливо отъ Загряжскаго представленной. Комитетъ желалъ бы, чтобы ему позволено было публиковать въ газетахъ отчетъ. Объ этомъ пред-

ставлялъ бывший губернаторъ Жиркевичъ, но разрѣшенія не получилъ, и неизвѣстно почему. Это бы полезно было и потому, что тогда открылось бы, кто не заплатилъ по сбору, бывшему на вашемъ петербургскомъ обѣдѣ, гдѣ пожертвовано 4500 рублей; а внесли деньги только Дмитриевъ, князь Вяземскій, Жуковскій, Пушкинъ и еще кто-то. Мнѣ пришлютъ имена и другимъ внесшимъ; но немногихъ; кажется, министры не внесли. Оттого не смѣютъ и напоминать по именамъ тѣхъ, кои не внесли, а только пили въ память безсмертнаго — „in silence“, какъ говорятъ англичане, но они и вносятъ. Меня умоляютъ похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ, а мнѣ чрезъ кого же хлопотать? Попробуйся ты, не выводя моего имени, дабы не угадали Аржевитинова. Загряжскій знаетъ уже, что я не скрывалъ его симбирскихъ мерзостей, да и отъ кого онѣ были скрыты? Развѣ отъ тѣхъ, кои, выкинувъ его изъ службы, дали ему 6000 рублей жалованья. Но я не даромъ говѣлъ и замолчу.

Мы съ тобой сошлись въ чувствѣ и въ мнѣніи о Подновинскомъ. И для меня, послѣ Corso, это первое народное гулянье. Я ставлю его выше *mât de сосаgne* парижскаго и прочихъ; радуюсь, что увижу его, хотя въ послѣдній разъ. Предпочитаю и наше *умовеніе ногъ* римскому. У насъ вѣрнѣе и ближе въ тексту Евангелія дѣйствуютъ, да и нѣтъ примѣси басни, то-есть, нѣтъ тринадцатаго слетѣвшаго откуда-то ангела, а просто двѣнадцать апостоловъ. Все чинно, и дьяконъ реветъ во услышаніе всего набитаго православнаго собора, такъ что каждый знаетъ, что въ каждую минуту происходитъ въ туалетѣ архіерейскомъ. Но и здѣсь, въ самомъ дѣйствиіи, много еще театральнаго; на примѣръ, разговоръ Іисуса Христа съ Петромъ-апостоломъ. Впрочемъ, этотъ разговоръ — въ текстѣ. Вчера слышалъ я у княгини С. Мещерской, какъ *Казимиръ* восхищался первыми минутами благовѣста и народнымъ сборищемъ въ Кремлѣ въ полночь Свѣтлаго Воскресенія. Я самъ расчувствовался и погрузился въ какое-то религіозно-патріотическое мечтаніе, услышавъ первый гулъ ночного колокола Ивана Великаго съ товарищи. Какой-то ревъ и гулъ вмѣстѣ, и ночь, полусвѣщенная плоскими и свѣчами, вокругъ церквей бродящими. Увѣряютъ, что надобно въ эту минуту быть на Иванѣ

Великомъ и видѣть, какъ подъ нимъ и около всѣхъ церквей московскихъ вѣружатся огни и толпы народа и священно-служителей подъ колокольную музыку. Одна бѣда: Элимъ М[ещерскій] собирается все это описывать. Скажи княгинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ, чтобы она вытребовала отъ княжны Марьи фразу Элима по сему случаю, и при семъ случаѣ похристосовайся за *милаю подлеца* съ милымъ семействомъ Карамзиныхъ, Мещерскихъ Вяземскихъ. Кто-то радовался надеждою; по изреченію поэта

Сталъ счастливъ—замолчалъ;

но Элимъ продолжаетъ писать по сонету на день невѣстѣ. Ею, впрочемъ, восхищаются и не женихи одни: всѣ хвалятъ за-одно, и даже дѣвицы. День разгуливается, а вчера шелъ дождь и устрашилъ подновинскихъ охотниковъ, но были и свѣтлыя минуты. Съ утренняго роута отъ князя Голицына проѣхалъ я на Воробьевы горы раздавать красныя яйца, пасху, вуличи и вынутыя за мое здоровье просвиры жидятамъ и жидовкамъ, отправляемымъ на поселеніе. Они вупали предлагаемое съ аппетитомъ, и я со многими христосовался. Европейская и симбирская воммѣра, а твоя мама-Еремеевна.

800.

Тургеневъ князю Вяземскому.

22-го апрѣля 1837 г. Москва.

За то, что ты не увѣдомилъ меня, почтенный дѣдушка, о вступленіи въ свѣтъ дѣвицы Елисаветы, честь имѣю поздравить тебя съ св. Анною. Что ты умничаешь своими глазами? Наклепалъ на себя лихую болѣзнь, и съ той поры, какъ переписка съ такимъ порядочнымъ человѣкомъ, какъ я, могла бы пособить истинной твоей болячкѣ, ты пересталъ писать ко мнѣ. Прикажи хоть Павлушѣ увѣдомить меня обстоятельно о настоящемъ *положеніи* милой маменьки. Чтò княгиня Катенька Мещерская? Для чего бы не вмѣстѣ? Татаринцовъ увѣдомляетъ, что ты въ Москву не будешь; итавь, прости до Парижа!

Благородное собраніе было вчера не очень многолюдно; я *относился* въ княгинѣ Черкасской, вдовушкѣ, слѣдовательно не въ будущей belle-mère Рябинина, и усадилъ ее въ чужую карету. Подъ Новинскимъ дождь не помѣшалъ мнѣ вчера проѣхаться, а сегодня начну тамъ пѣшешествовать. Въ Архивѣ не былъ только въ одно Свѣтлое Воскресенье. Читаю проказы Dubaggu и смерть короля-Bien aimé ou plutôt bien détesté. Какой вѣкъ! Дипломатическія ноты о Монгольферѣ въ цифрахъ! Въ депешахъ—эпиграммы и мелочи тогдашней французской литературы! Графъ Румянцовъ громить Турецкую имперію; Репнинъ вводитъ насъ чинно и важно въ европейскую систему Тешенскимъ миромъ (Я. Булгаковъ — секретаремъ его); онъ же съ Штапельбергомъ готовитъ паденіе Польши; и между тѣмъ какъ умы и дипломатическія перья заняты баллономъ иль Турецкой войной, Панинъ ставитъ Россію на первую, по тогдашнему, чреду въ порядкѣ государствъ европейскихъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: судя по историческимъ компендіямъ и по всѣмъ европейскимъ исторіямъ нашего времени, потомство не догадается, что Россія играла такую блистательно-важную роль въ XVIII вѣкѣ, если мы оставимъ архивъ въ рукахъ Малиновскихъ; оригинальная переписка Румянцовыхъ, Репнинныхъ, Паниныхъ, Остермановъ, Потемкиныхъ, Голицыныхъ, Кантемира, коему дипломатика не мѣшала переписываться съ итальянскими поэтами и выписывать англійскія книги, эта переписка, часто мелочная, но иногда и существенно историческая, сгніетъ безъ реестровъ и въ хаосѣ архивскаго порядка. Къ ней бы приставить грамотныхъ молодыхъ людей, читавшихъ новыя книжки, и дать имъ въ образецъ Коха, Mignet, а на первый случай хотя Кудрявскаго. Трудъ можно распредѣлить не по эпохамъ, а по дворамъ, а послѣ бы одному поручить свести частныя исторіи въ одно цѣлое и назвать этого сводника исторіографомъ.

Что-то у васъ скажутъ на вчерашнее „Прибавленіе“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подписанное: „Дм. Давыдовъ“?

801.

Тургеневъ князю Вяземскому.

25-го апрѣля 1837 г. Москва.

Я прочелъ въ твоёмъ письмѣ къ Булгакову то, что пишешь о смущеніи Карамзинныхъ при требованіи Плюшара. Все это произошло отъ того, что я долго не получалъ перваго письма его и по сію пору не успѣлъ отвѣчать ему отказомъ въ тѣхъ пунктахъ, кои онъ написалъ въ письмѣ ко мнѣ сверхъ нашего условія. Я слышалъ, что Жуковскій якобы доставилъ ему нѣсколько писемъ Карамзина для напечатанія съ моими. Это онъ можетъ сдѣлать, если цензура одобритъ, и если Жуковскій находилъ ихъ достойными печати. Вы можете отказать ему, если не желаете, или вамъ нечего дать ему; но я пошлю ему только то, что выбрано изъ моихъ и нѣсколько другихъ, у меня въ копіи находившихся, какъ писемъ, такъ и записокъ; напримѣръ, о Новиковѣ и прочее. Я выкинулъ всѣ незначущія письма и записки и оставилъ только тѣ, кои любопытны или по содержанію, или по выраженію прекрасной души или прекраснаго чувства; въ главныхъ письмахъ много историческаго о Россіи и о книгахъ иностранныхъ, кои въ то время я доставлялъ Н[иколаю] М[ихайловичу]. Если вы не хотите помогать мнѣ въ семъ сборникѣ, то по крайней мѣрѣ не мѣшайте. Я сдѣлалъ уже и объясненія и все дни черезъ два перешлю въ с.-петербургскую цензуру. Катерина Андреевна, какъ и часто случалось, и въ семъ случаѣ васъ всѣхъ благоразумнѣе: она чувствовала, какую цѣну могутъ имѣть сіи письма въ глазахъ Россіи и литераторовъ; а для меня они безцѣнны. Она и позволила, не смотря на сомнѣніе Софьи Николаевны, которая не уважаетъ того, что есть достойнаго — по литературной части и по слогу — любопытства въ этихъ письмахъ. Скажи ей за это гнѣвъ мой и прибѣгни, вмѣсто меня, къ защитѣ княгини Мещерской, мнѣ всегда покровительствовавшей. Изданіемъ, то-есть, содержаніемъ будете довольны, а употребленіемъ прибытка — еще болѣе. Не мѣшайте, а помогайте и не пугайте издателей! Я показывалъ Ивану

Ивановичу собраніе, но онъ видѣлъ и тѣ записки, кои я выкинулъ. Обѣщаль выписку о Новиковѣ, но по сію пору не прислалъ. Скажи Софѣ Николаевнѣ, что если она будетъ хлопотать противъ меня въ этомъ дѣлѣ и разувѣрять Катерину Андреевну, то я напечатаю всѣ ея царскосельскія записочки на розовой бумажкѣ въ Парижѣ и разошлю по всѣмъ фашіонэбельнымъ салонамъ въ Петербургѣ.

26-го апрѣля.

Шутки въ сторону: отчего вы теперь смущаетесь тѣмъ, на что соглашались, и что вы сами отчасти провоцировали. Зачѣмъ было не сказать мнѣ прежде? А теперь я заключилъ условіе, хлопоталъ и въ Петербургѣ, и здѣсь, и дѣло огласилось. Да и зачѣмъ оставлять подъ спудомъ такое сокровище? Со временемъ другіе по частямъ напечатали бы, безъ всякой пользы для кого-либо. Еще разъ: не мѣшайте! Я бы доставилъ вамъ (и хотѣлъ это сдѣлать) копіи посылаемыхъ въ цензуру писемъ, но теперь опасуюсь, что вы задержите, а я спѣшу все при себѣ кончить и ѣду недѣли черезъ три. Вчера княжна Вяземская вышла замужъ.

802.

Тургеневъ князю Вяземскому.

30-го апрѣля 1837 г. Москва.

Перебирая корреспонденціи батюшки съ его современниками, я нашель между письмами Державина, довольно безграмотными, и то, гдѣ онъ благодарить его за стихи Жуковскаго и Родзянки и даетъ имъ, въ четырехъ стихахъ, совѣтъ не ему, а русскому Пиндару и Гомеру подражать, намекая о Херасковѣ, тогдашнемъ кураторѣ университета. Мнѣ пришло на мысль написать статейку для твоей котомки, подъ заглавіемъ: „Совѣтъ Державина Жуковскому въ 1799 году“ и приложить къ ней письмо Державина къ батюшкѣ по сему случаю и другое съ четверостишіемъ къ Жуковскому и къ Родзянкѣ. Не худо бы отыскать и самыя произведенія, за кои Державинъ хвалить; но они въ пансіонскихъ актахъ,